

Говорят, что жизнь полосатая. После черной полосы обязательно наступит белая. Это относится не только к жизни человеческой, но и к истории географических пунктов. Если в мелиховской усадьбе жили раньше люди жертвенные, бесребреники, то не приходится удивляться появлению здесь махровых эгоистов. Такая же история произошла и в Кулакове.

В 1870 году усадьбу в Кулакове купил Федор Петрович Шереметьевский (1840 – 1891) — доктор медицины, профессор по кафедре физиологии Московского университета. В 1861 году он с золотой медалью окончил университетский курс и получил звание «лекаря». Шереметьевский довольно долго работал в разных московских больницах, а затем вернулся в университет, где заведовал лабораторией, читал лекции по физиологии, не раз ездил за границу, где продолжал свои научные занятия.

В 1869 году, за год до покупки имения в Кулакове, он защитил докторскую диссертацию, стал доцентом, а потом и профессором. Интересовался Шереметьевский психологией, был одним из членов-учредителей Московского Психологического Общества. Кроме того, он был членом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Общества Испытателей Природы, в котором последние годы своей жизни состоял членом совета.

Помимо своих научных и служебных занятий, Шереметевский принимал участие в общественной деятельности в качестве гласного и члена Санитарного совета Серпуховского земства.

Умер Ф.П. Шереметьевский 11 августа 1891 года в селе Кулакове, Серпуховского уезда, от болезни сердца.

Профессор-физиолог купил имение в Кулакове, потому это место показалось одним из чистейших и здоровейших в Московской губернии. Недаром здесь же построили и первую земскую больницу в Лопасненской волости, а в советские годы — один из престижнейших санаториев («Русское поле»).

Сейчас мы наблюдаем картину противоположную. Приведу забавный пример. Существовала в советские годы гостиница «Знамя революции». Теперь ее переименовали в парк-отель «Шереметьевский». Наше общество кидает из стороны в сторону.

Местные жители из Кулакова, Манушкина, Русского Поля, Гришенок, дачники и те, кто лечился в санатории, приезжали в этот край, чтобы подышать чистым воздухом, погулять в девственных лесах, полюбоваться оврагами и речками. Вы знаете, во что превратили сейчас эти благословенные места алчные «хозяева мусорных гор»? Можно ли надеяться, что эта черная полоса минует? Трудно, но нужно. А что еще остается, как не надеяться на лучшее — на просветление в руководящих головах?

***

История Кулакова связана с биографией художника-гуманиста Василия Алексеевича Ватагина. Парк и поля вокруг Кулакова напоминают нам о молодых годах этого замечательного художника-анималиста, родившегося 20 декабря 1883/1 января 1884 года. Обратите внимание на круглую дату — 130 лет прошло со дня его рождения.

Мать будущего художника не раз привозила юного сына в Кулаково к брату-профессору. Юноша подружился с кузинами. Одна из них стала его первой наставницей в искусстве, обучала бесконечно рисующего мальчика технике акварели. «С тех пор, как я помню себя, моим любимым занятием было рисование», — вспоминал Ватагин в своих автобиографических заметках. По примеру двоюродной сестры юноша в 1898 году поступил в частную студию акварелиста Н.А. Мартынова; с сестрой он совершил первое заграничное путешествие (1906), которое называл впоследствии своим художественным крещением. Позже он и в Индию поедет с ней же — Надеждой Федоровной Шереметьевской.

Стремление к занятиям искусством и наукой всегда жили (и подчас боролись) в душе Ватагина. Даже его учителя-художники принадлежали к разным направлениям в искусстве. Мартынов ставил перед учениками чучело какого-то животного и требовал от них прежде всего законченности рисунка. Ватагин, как вспоминал он сам, «приобрел привычку доводить рисунок до конца, и добросовестно исполнять работы мало интересные».

Вторым, не менее сильным было для Ватагина увлечение естествознанием. Еще студентом начал работать со знаменитым орнитологом, знатоком птиц М.А. Мензбиром, позднее подготовил таблицы для его зоогеографического атласа. Отклонения от зоологической точности Мензбир решительно пресекал: «Что Вы мне тут Художественный театр намазали!»

А молодого художника уже не могло удовлетворить простое, пусть и точное иллюстрирование. Он искал художественные решения для своих работ. Сказывалось влияние второго учителя, в студию которого он пришел, учась на втором курсе университета (1903). Это был замечательный русский художник Константин Юон. Увидев работы Ватагина, К.Ф. Юон спросил его: «А где же искусство?» Вопрос был неожиданным.

И подводит он к другому вопросу: является ли изображение животного искусством? Сам Ватагин ответил на этот вопрос так: не всегда. Он разделял изображения зверей и птиц на анималистическое (свободное) и зоологическое (объективное). Кем же был сам Ватагин? Художником или объективным иллюстратором? И тем, и другим. Став ученым, Василий Алексеевич не оставил занятий искусством. Впоследствии оно стало делом его жизни. Талант сочетался у него с научной эрудицией. Он не просто любил животных, но прекрасно знал их характеры и повадки, понимал их эмоции. В зоологических изображениях Ватагин сух, объективен и точен. В анималистических образах он настоящий «поэт звериного царства».

Ватагин стал успешным и признанным художником и скульптором (зверей он изображал, используя разные техники: рисунок, акварель, масло, графику, особенно часто — литографию). А еще лепил, вырубал из камня, из мрамора, вырезал из дерева и кости, работал в фаянсе, терракоте, майолике. Он получил почти все возможные в Советском Союзе почетные звания: Народного художника РСФСР, Действительного члена Академии художеств СССР, лауреата Сталинской премии, профессора Московского высшего художественно-промышленного училища (бывшей Строгановки).

Главная его идея была глубоко гуманной: «Много необходимого получает и отнимает у животного человек, — писал художник, — но он редко помнит и сознает, что животное не только кусок мяса или физическая сила, что в его руках живое существо, покорно переносящее насилие, глубоко чувствующее страдание и вместе с тем трепетно принимающее всякое доброе отношение к нему и отвечающее человеку чувством привязанности, чувством глубокой преданности, чувством любви».

Ватагин называл себя «зверопоклонником». «Как художник я преклоняюсь перед животным миром — мощным проявлением красоты, — подчеркивал он. — Как биолог я признаю в животном собрата человека и преклоняюсь перед стихией животного — предшественника человека на Земле. Как человек я не могу забыть огромной жертвенной роли животного в построении человеческой цивилизации». Ватагин обладал «чувством зверя», как говорил он сам, помогающим ему любить и творчески осмысливать мир живой природы.

Ватагин подчеркивал, что первобытные художники были анималистами. На освещенной стене пещеры они рисовали, прежде всего, животных. У него были предшественники в реалистическом искусстве, были и ученики. Ватагин преподавал в московских

художественных вузах, но охотно занимался и с детьми. Среди его учеников была и талантливая девочка Надя Рушева.

Искусствоведы называют его еще и «портретистом звериного царства». Самое сильное впечатление от творчества В. А. Ватагина — сложные, психологически точные и глубокие портреты животных. Посмотрите на портрет орангутанга с грустным названием «Умирающий Ганс». Рисунок сделан за три дня до смерти обезьяны. У Ганса большие, печальные, больные и всепонимающие глаза. Рядом — деревянная скульптура «Печальная обезьяна». Это подруга Ганса. Когда он умер, она долго сидела неподвижно, сжавшись, охватив голову руками, как человек, глубоко горюющий о близком. Художник считал, что про обезьян (и про многих других зверей) неловко говорить «морда», потому что у них лица выразительные, сложные, почти как у людей.

«Всякий, кто наблюдал животных, имел с ними дело, кто с добрым вниманием относился к ним, — писал Ватагин, — тот знает, как разнообразны их эмоции, как выразительны их чувства радости или огорчения, ласки или обиды, злобы, тоски или самоотверженного чувства материнства. Присматриваясь к облику многих зверей и птиц, я всегда замечал разнообразие их мимики, которое легко выражается на языке человеческих чувств и настроений. Мы увидим «тупое» выражение у бобра, «вдумчивое» у марабу, «надменное» у верблюда и ламы, «созерцательное» у обезьяны...»

Много лет художник был штатным сотрудником Дарвиновского музея, сотрудничал с Зоологическим музеем, был художником Московского зоопарка, работал над парковыми скульптурами. Все мы знаем его как иллюстратора Р. Киплинга, Д. Лондона, Э.

Сетон-Томпсона, оформлял он и книги А.П. Чехова. Лучшая его серия, выдержавшая 11 переизданий — иллюстрации к «Маугли». Рассказ Ватагина о дружбе человека с животными по-настоящему волнует, будит в человеке древние, инстинктивные мечты о такой дружбе.

Ватагин был человеком верным, он не изменял своим гуманным убеждениям. Однажды ему предложили украсить скульптурой охотничий домик в Подмосковье, пообещав хорошо заплатить. Отказываясь от предложения, он пишет другу: «Ты знаешь, как глубоко противно и тяжело для меня участвовать в украшении сооружения, предназначенного для спортивной, развлекательной охоты».

«Я никогда не стремился получить возможно больше денег и жизненных благ», — писал художник. В 1914 году он после возвращения из Индии построил дом-мастерскую на окраине Тарусы, «откуда открывался чудесный вид на Оку» (Пролетарская ул., 35). Свой сад Ватагин населил скульптурами. В художественной галерее Тарусы выставлено много работ В.А. Ватагина, но его дом, хоть и является охраняемым памятником культуры, пока не стал музеем. Там живут его родственники, тоже художники.

Умер Василий Алексеевич 31 мая 1969 года в Москве, похоронен в Тарусе, рядом с женой и тещей (и они были художницами). На его могиле — простой деревянный крест.

Сегодня мы, утонувшие в экологических проблемах, мечтающие о сохранении природы, больше понимаем и выше оцениваем идеи художника, путь которого начался в нашем ныне изуродованном Кулакове.

Фото из сети